

жание этого спектакля. Режиссер Е. Простов вместе с исполнителями ролей находит для него выразительную художественную форму, оттеняющую горьковскую мысль.

Спектакль реалистичен и действенен. Решением некоторых образов и передачей общей атмосферы жизни обитателей ночлежки он следует классической постановке МХАТ. И в этом нет ничего зазорного. Спектакль, созданный великим Станиславским, является образцом русского сценического реализма.

И вместе с тем спектакль казанцев по-настоящему своеобразен. И более всего придает свежесть и остроту ему исполнение роли Луки артистом Н. Якушенко. Изобразительные средства, применяемые исполнителем, отобраны с такой тщательностью и точностью, индивидуальное и типическое сплавлено им в столь монолитное целое, что уже по одной этой роли нельзя не признать в Н. Якушенко крупного художника.

Вот Лука мелкой, как будто плывущей походкой впервые входит в ночлежку. Внешность этого старика, встретиться он где-нибудь в людном месте, вряд ли обратила бы на себя внимание. Но здесь она из ряда вон выделяется. Аккуратность и подтянутость Луки никак не свойственны опустившимся на дно жизни. А он чуть ли не подчеркнуто опрятен: ровно подстриженные волосы, полукругом обрамляющие лысину, расчесанная реденькая борода, скромная, но без пятнышка одежда. Милый такой, приветливый старичок... Издалека, видно, пришел, но никакой усталости он словно и не чувствует, сразу же кидается в активное действие.

Да, Лука — Якушенко чрезвычайно, не по возрасту активен, деятелен. Всюду-то сует он свой нос, безустали словоохотлив, каждого старается прощупать. И через несколько минут пребывания старика на сцене у меня, зрителя, появляется первое подозрение: очень уж бодр он для своего возраста, хорошо сохранил здоровье. Видимо, не очень расходовал себя, больше берег. По всей вероятности, горькие судьбы окружающих его людей даже краешка сердца его не затрагивают.

Но, впрочем, пока еще это только подозрение. Ведь вот же как заботливо приводит он больную Анну и строго выговаривает ночлежникам: «Пошто вы ее одну пущаете?». Находит же он для нее ободряющие слова... Правда, они слишком елейны, чтобы быть искренними, но звучат как будто с благой целью...

И все же в конце первого акта одно ясно: Лука изю всех сил старается быть приятным каждому — и умирающей Анне, и Бубнову, и полицейскому Медведеву, которого заметно побивается.

А дальше, пообжившись немного, Лука становится еще активнее. Он умеет подойти к человеку, когда тот более всего растерян и плохо понимает, что же ему предпринять. И чем больше Лука суетится, выдумывает, утешает, тем понятнее становится, что он работает. Да, именно работает. Другие ссорятся, раздумывают, пьянствуют, попросту бездельничают, а он — занят делом.

Послушайте, как легко, без малейшего напряжения, с привычной улыбкой на устах и мягкостью податливых интонаций врет он Актеру о бесплатной лечебнице для пьяниц.

Вопрос Актера «Где это?» на секунду ставит его как будто в тупик. Скороговоркой бормочет Лука: «А это.. в одном городе... как его? Название у него эдакое...». И вдруг находит прием для того, чтобы перевести внимание Актера на другое: «Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись... возьми себя в руки и — терпи...».

Вспомнилась ему привычная формула «терпи», которую он облакает в конкретное предложение «воздержись», и выход найден, и неподдельная радость светится в глазах старика. И артист ясно доносит, что

причина этой радости не в том, что ему удалось дать хороший совет ближнему, а в том, что утешитель вышел из трудного положения, его профессиональная гордость не посрамлена.

Посмотрите теперь, как он «обслуживает» умирающую. И в этом случае ведь надобно свое, особое умение. Фразы произносит он, успокаивая Анну, как будто готовые, так легко слетают они с его языка. Мысль старика пребывает в абсолютном спокойствии. С умирающими ему, вероятно, приходилось разговаривать не раз в этом духе. Интонации для умирающих имеются, видимо, у него особые, для здоровых не пригодные. Трескучим, протяжным голосом он советует:

— Ты — с радостью помирай...

А затем очень деловито сообщает Ваське Пеплу: «Отмаялась!», и быстро-быстро, «чувств никаких не изведав», задергивает занавеску, отделяющую угол Клеца от других ночлежников. И с чисто профессиональным умением бормочет у постели больной слова молитвы, совершенно не вникая, разумеется, в их смысл.

Все полнее и полнее становится образ хитрого, по определению Горького, Луки.

Умело строит он свои утешения, опытен Лука в обмане. Нельзя не понять, почему его собеседники, эти опустошенные, изверившиеся в себе и других люди готовы ему поверить. Увлечательно рассказывает он и о встрече с каторжниками, и о праведной земле, — заслушаешься. Но чуть дело доходит до большой жизненной драмы, старик спешит ретироваться. Исчезает он незаметно, так, чтобы никто не успел его вернуть. Казалось бы, кому, как не ему, успокоить Наташу, приструнить Василису, выступить свидетелем, разоблачающим ее козни? Но Луки и след простыл. Старик равнодушен к судьбам людей, он думает только о себе.

В пьесе нет прямых указаний на биографию Луки, но образ, создаваемый Н. Якушенко, позволяет ее себе представить. В прошлом у Луки не все, видимо, чисто, — недаром он явно побаивается иметь дело с полицией. Теперь же избрал себе Лука профессию утешителя, которая приносит ему кое-где (не в ночлежном доме, конечно) и материальные выгоды. Весь облик Луки — Якушенко подсказывает, что где-то наверняка зарыта у него кубышка с запасом «на черный день». Но до этого дня далеко. Во многих мещанских домах непрочь пригласить почтенного странника, умеющего красно говорить. Да и не даст себя в обиду многоопытный странник, он знает, когда ему надо скрыться. Пожалуй, на протяжении всей пьесы нет второй реплики, которую Лука — Якушенко произносил бы с такой же продуманной серьезностью, как: «Верно говоришь» на замечание Бубнова: «Во-время уйти всегда лучше...».

«Утешители, проповедники примирения с жизнью враждебны мне, кто б они ни были», — писал Горький. И Н. Якушенко в роли Луки в полном соответствии с горьковским замыслом беспощадно разоблачает утешительство.

Артист нигде не изображает обманщика «вообще», не играет свое «отношение» к образу. Он логически последовательно действует в образе, действует активно и целеустремленно, и в этом смысле перед нами образцовая актерская работа, страстная, яркая, подлинно реалистическая.

Среди событий, развертывающихся вокруг Луки, заметное место занимает трагедия Клеца. И исполнение этой роли Я. Мацкевичем заслуживает большого внимания.

— Ты думаешь, я не вырвусь отсюда? — говорит он Ваське. — Вылезу... кожу сдеру, а вылезу...

Это он не Ваську, — самого себя убеждает, так, во всяком случае, играет Я. Мацкевич. Его Клец очень одинок. Он не ищет ни общества,